

Откуда начинаются мой герой в театре и в кинематографе? Конечно, прежде всего от самой жизни, художественно осмысленной драматургом. Но в пьесе и сценарии это еще не мой герой: мне предстоит сродниться с ним, постигнуть образ их мыслей, причины поступков, особенности мировосприятия. Успех и неуспех на этом пути зависит прежде всего от меня самого — от моих личных впечатлений о жизни и людях. Вот почему в искусстве не может существовать бесспорных схем: тучный человек, скажем, не должен ходить в положительных героях, а человек аскетичный — может быть положительным; персонаж, устроенный в жизни материально, иной раз теряет часть своих достоинств в глазах некоторых критиков, а неурюченный — вызывает симпатии.

Такие представления о герое нашего времени вульгарны. Вспомните: было время, когда дымчатые очки почему-то были обязательной принадлежностью «шпионов» в фильмах и спектаклях, когда узкие бровки служили обозначением нравственной ущербности. Мы ушли от этого. И мне кажется, успех фильма «Белорусский вокзал» исчерпывающе отвечает на вопрос, каким должен в каком может быть герой-современник: пять замечательных актеров, столь разных и вместе с тем одинаково убедительных, Нина Ургант, Алексей Глазурин, Анатолий Папанов, Евгений Леонов и Всеволод Сафонов, рассказали нам волнующую правду о целом поколении советских людей — о поколении, которое сражалось на переднем крае Великой Отечественной войны, о сегодняшнем его дне.

В свое время я пришел в Ленинградский театр имени А. С. Пушкина, где уже был воспитан вкус к образу положительного героя советской эпохи. Выдающиеся наши актеры Е. П. Корчагина-Александровская, Н. К. Симонов, Н. К. Черкасов, В. И. Честноков, А. Ф. Борисов, Ю. В. Толубеев, Б. А. Фрейндлих, О. Я. Лебзак и многие другие создали неповторимые, украсившие историю советского театра характеры современников Октября, первых лет становления Советской власти, первых пятилеток, Великой Отечественной войны и послевоенного времени. Мне выпало счастье стать одним из тех, кто наследовал тему положительного героя на сцене старейшего театра страны.

Сегодня, уже опытным актером, я все чаще возвращаюсь памятью к своей ранней юности и от непосредственного восприятия людей и событий черпаю оптимизм своих героев. Ранняя юность моя была омрачена войной, блокадой, людским горем. Но война миновала, восторжествовала жизнь, люди потянулись к улыбке, к счастью, к теплу мирного очага, к творчеству с особой жаждностью.

В эти годы, еще до того как я стал актером, определялась моя гражданская, человеческая, а позже и творческая тема: в споре между жизнью и смертью, неверием и оптимизмом, горечью и улыбкой всегда побеждает жизнь, доверие, улыбка. Мне ближе всего образное определение, которое дал в очерке о моем творчестве один из театральных публицистов: «Гамлет, который сказал «быть!» Это значит, что моим героям свойственны и

мучительные поиски ответов на суровые вопросы жизни, и сомнения, и тоска о несбыточном, но никогда не приходит к ним состояние духовного распада, утраты веры в добро.

Я вижу гуманную миссию актера прежде всего в этом — в воспитании у зрителей, особенно молодых наших зрителей, «чувства жизни», как определял оптимизм великий ученый И. И. Мечников.

В условиях советского общества это чувство плодотворно развивается главным образом у людей, которые тянутся к общественной деятельности, к

мне гражданина», — пишет инженер.

Я не верю в то, что произошло психологическое чудо: зритель пришел в театр и под влиянием спектакля перестроил свою жизнь. Конечно инженер думал об этом раньше, очевидно, тяготился замкнутостью, одиночеством. Но факт остается фактом: в какой-то степени положительный пример сценического героя помог человеку вернуться к нормам советской общественной жизни.

В чем же особая сила воздействия наших положительных героев, признанная далеко за

Игорь ГОРБАЧЕВ,
народный артист РСФСР

ОПТИМИЗМ ГЕРОЯ

личному соучастию в строительстве и преобразовании жизни по законам коммунизма. Я убедился в этом, читая зрительские письма. Эти письма я изучаю внимательно и не только как актер, которому интересно знать, что думают в как чувствуют его зрители. До того, как определялось мое театральное — кинематографическое призвание, я учился на философском факультете Ленинградского университета и невольно испытываю интерес социолога, философа к каждому новому человеку, с которым знакоюсь непосредственно или через письмо.

И вот однажды, после исполнения одной из любимых моих ролей — коммуниста Платова в спектакле «Друзья и годы» — я получил письмо от одного инженера. Обыкновенного инженера, считавшего, что удобно и необходимо ограничить себя лишь обязательным выполнением всех служебных требований, а во всем остальном замкнуться в личный мирок: он построил вебольшой дачный домик, развел там клубнику и считал, что найден выход его творческой инициативе. Словом, человек ушел от общественной жизни. Ему, по крайней мере, казалось, что он ушел... Но однажды инженер побывал в театре на «Друзья и годах». И увидел на сцене Платова — представителя лучшей части поколения, творившего довоенные пятилетки, выигравшего самую тяжелую в истории войну. Он увидел человека, не опускающего рук в труднейших испытаниях, не зараженного цинизмом и неверием, в высоком смысле бесстрашного и по-настоящему доброго. И что-то встряхнулось в нем, заставило его пересмотреть устоявшиеся жизненные позиции.

Автор письма признался, что не спал всю ночь, в ближайшие же дни решил выступить на собраниях с размышлениями о жизни и труде людей на своем производстве. Он полагал, что это высший подвиг его жизни. Его поддержали. Даже обрадовались, открыли в нем человека, общественно мыслящего, активного. «Спасибо за то, что помогали разбудить во

рубежами Советской страны? Почему, например, юный герой фильма «Баллада о солдате» смог покорить кинозрителей Запада и Востока? Почему после спектакля «Жизнь Сент-Экзюперия» к нам за кулисы приходят иностранцы и благодарят за создание образа, который во Франции, на родине героя, казалось, должны были бы воплощать с большей достоверностью, чем на нашей сцене?

Мне кажется, что людей разных национальностей и мировоззрений привлекает исторический оптимизм советского искусства. В самом деле, наш взгляд на положительного героя эпохи всегда связан с пониманием места этого героя в явлениях с ним связанных, не только в сегодняшнем дне, но и в истории человечества. Диалектический подход к человеку и явление помогает нам быть оптимистами и покоряет сердца зрителей. Запад устал от пессимизма. Я могу это утверждать с уверенностью, которая покоится на частых встречах с иностранными гостями Ленинграда.

Эта уверенность помогает мне оставаться верным жизнелюбивому юмору в каждой своей актерской работе. Юмор — спутник здорового мировоззрения.

Не год и не два я играю роль врача Владимира Устименко в спектакле «Дело, которому ты служишь». Внешне мой герой естественно, становится старше вместе со мной. Внутренне постоянно обновляется. Устименко по-настоящему добр и потому никогда не может быть добреньким. Мой герой устает физически, но никогда не разрешает себе уставать духовно. Постоянная борьба с привычным, устоявшимся, желание решать задачи удвоенной трудности, — в этом находит он свое счастье.

При всех существенных различиях в характерах Владимира Устименко и, скажем, большевика Артема (Федора Сергеева) я вижу в них родство: оба они истинные ленинцы. Роднит их прежде всего чувство исторического оптимизма — уверенность в торжестве коммунистических идеалов, в приоритете «чувства жизни».